

Яна Гецеу

Я, Дикая Дика

Роман. Часть II

Яна Гецеу

Я, Дикая Дика. Роман. Часть II

«Издательские решения»

Гецеу Я.

Я, Дикая Дика. Роман. Часть II / Я. Гецеу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931422-2

Каково это — любить психопата? 19-летняя девочка-панк Дикая Дика расскажет вам об этом в чарующих и жутких подробностях. Красивый сумасшедший абьюзер Ветер играет с ней в кошки-мышки, подманивает поближе и швыряет на самое дно. В поисках ответа на отчаянный вопрос «Почему Он не любит меня?» девушка пускается во все тяжкие. Дружки и подружки на одну ночь, города и вписки, чердаки и подвалы. В нее влюбляются, ей очаровываются, ее хотят. Но никто и ничто не может заполнить эту ледяную пустоту... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-931422-2

© Гецеу Я.

© Издательские решения

Содержание

Что вы за люди такие?	6
Наивная	9
Или нет?..	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Я, Дикая Дика Роман. Часть II

Яна Гецеу

© Яна Гецеу, 2019

ISBN 978-5-4493-1422-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Примечание от автора: все персонажи и события вымышлены, совпадения с реальными людьми случайны.

«Там, где больно – там уже занято!»

Бродяга

Начинающим врунам, писателям, неформалам, панкам

Честным человеческим детям, желающим ступить на скользкий и увлекательный мир искривления сознания, для поиска в нём нор, дыр, ловушек, извилин, тоннелей, колодцев, ходов и выходов ведущих в 2000 год...

Содержит ненормативную лексику и сцены насилия.

Что вы за люди такие?

...Звонок в дверь. Сука безжалостная! Я же спа-ать хочу...

– Ивана, к тебе! – засунулась Петровна, подтвердив мои самые дурные предчувствия.

– Кого там чёрт послал?? – заворачиваясь в одеяло плотнее проворчала я. Чувствуя, однако, что встать тем не менее придётся... блин.

– Парень! – засияла любительница гадких ток-шоу Петровна.

– Какой, на хрен, парень ещё? – высунула я нос. Уж не Ветер ли?! Ма-ма...

– С цветами! – заговорщицки подмигнула эта старая дура. Вот те интрига!

– Ну, пусть заходит! – чёрт, а вдруг это и правда он?

– Ты бы хоть прибралась, быстренько, Вань!

– Не-а! – протестующе замахала я. Ни перед кем выпендриваться не буду. Коли Ветер, так он видел... И если эта ретроградная дура думает, что молодой девице только и не терпится выйти замуж, для чего надо непременно прибирать светёлку, то пусть сама старается, её для того и нанимали!

Тока я ноги в тапки сунула, проклиная паскудный тремор, как тихо постучавшись, вошёл... Гоблин!! Ладони мои сами потянулись прикрыть раскрывшийся ротик. Mamочки, я обалдела! В руках он неловко мял разноцветный букет в глянцевой обертке, а на голове красовался новенький – это сразу видно по свежим следам бритвы – и-ро-кез!! У упёртого байкера! Охренеть!

– Здравствуй... Дика! – кашлянув, протянул он мне букет.

– Аа... привет! – хрипло ответила я, взяв цветы, положила их на стол, и прикрылась одеялом – как-то неловко мне стало при нём, в таком виде. Что-то уж больно он восторженно на меня смотрит. Ой, не к добру!

– Слушай, Гоблин... ты это... – начала я разбавлять неловкое молчание. – Поди пока на кухню, пожалуйста! Я щас.

– Ага... – он поспешно вышел, смущенно оглянувшись.

«Чё за фигня?» – подумала я, кое-как причёсываясь. Было больно, волосы сваялись к чёрту, и я передумала прихорашиваться. В конце-концов, сам пришёл. Я его не звала. И напялив один лишь безобразно растянутый серый свитер (который так нравится Ветру, когда под ним больше ничего нет), сменила трусики, и пошкандыбала на кухню так. Оттуда торопливо вынырнула Петровна, и быстренько навешав мне каких-то указаний, что сварено и где лежит, и как-то подозрительно подмигнув – мол, она на сегодня всё, учапала восояси. И чё она имела в виду? Что я с ним сейчас же трахаться побегу?? Идиотизм. Вот её-то не позвали!

– Ну, это... – начала тупить я немедленно, как тока уселась напротив Гоблина за стол. – Как дела-то?

– Хорошо, – кивнул он, робко глянув на меня. – А у тебя?

– Ага, – широко зевнула я. – Чё хотел-то?

– Уж прям так сразу... – проворчал он.

– Чего? – переспросила я невинно, закидывая ногу на ногу. Он покосился на мои обнажившиеся бедра, и кашлянул.

– Давай-ка чаю что ль, хлебнём! – а я сегодня на редкость гостеприимна, не находите?

– Давай! – вскочил он, будто тока этого и ждал. – Где заварка у тебя?

– Да там, – лениво махнула я растянутым «Пьеровским» рукавом. «Арлекины и Пьеро, сволочи и мрази...»¹

– Или, может, хлебнём? – озвучила я более удачную мысль.

¹ Текст Алексея Фишева

– С утра уже? – повернулся он, при том ирокез удивительно симпатично упал ему на правый глаз. «Кроссафчег, аднака!»

– Угу, – кивнула я невинно. – Знаешь ли, моя личность с похмелья нехилого, мутит меня не по-детски!

– А... ну тогда, давай... где?

– Там, в холодильнике!

Он полез добывать бухло, так смешно запутавшись в отделениях огромного чуда новейшей техники! Впору бы засмеяться, но я не стала – не все живут так хорошо, как мы!

Пока пили кислую сливянку, он всё мудился чё-то, пытаясь быть непринужденным, вынуждая меня своей этой неловкостью пить всё более крупными глотками. Жмётся, то-да-сё, пытается чё-то общее про нас вспоминать. А чего, не было у нас ничего! Меня это уже бесит! Преодолев тошноту, и чтоб скрыть раздражение, хлебнула сразу полный стакан. Гоблин посмотрел на меня с тоской, и тоже постепенно раздухаряясь, хлебнул как под забором – с выдохом, и одним глотком. Баттл кончился. Ну-у-у??

Стукнув стаканом по столу, он вдруг решил:

– Дика... будь моей девушкой! Я тебя люблю, всё время о тебе думаю!

Вот тебе и здрасти. Хороша картина – я вся мятая, с похмела, в свитере этом жутком.

– Ты думаешь... – начала я, не зная, что собираюсь сказать. – Дай покурить! – тоже мне, отмазалась.

– Нет, Дика, ты не сразу... – горячо сказал он, и сел ближе. – Ты подумай!

– Гоблин... ну... ты сказал...

– Эх, я понимаю, – опустил он голову, – наверное, не стоило так сходу...

– Не, чувак, всё нормально! – попыталась коряво успокоить я. – Я это... ну ладно, давай, подумаю. Может, пока, друзьями...

Чё вот делать с ним? Пипец. И так по-идиотски себя чувствую – драная, блядущая, не люблю его. Ничего общего. Помолчали, каждый о своём.

– Да, трахаешься ты мастерски, признаю, всё зашибись, но... – я нервно курила, подбирая слова, чтоб не обидеть. Он ждал, поглядывая на меня, из-под своей красивой чёлки. И я задумалась цинично – что-то Ветер в последнее время стал сдавать, в плане секса, а Гоблин – чувак что надо, так может с ним трахаться... ну, и предлагаю ему:

– Слушай, Гоблин... кста, тебя как зовут в реале?

– Динис.

– Дин, стало быть! – усмехнулась я, так мне понравился этот звук.

– Типа того, – невесело кивнул он.

– Дин, давай тока секс!

Он весь вскинулся, как обожжённый:

– Как?? – вот будто я вообще чёрт знает что сказала! – А сердце? Может, конечно, тебе это и неважно...

Я оборвала его:

– Ну, как знаешь!

Тогда он вроде как собрался уходить, но уже в дверях, горячо глянув на меня своими красивыми щенячьими глазами, передумал:

– Ну давай! – и привлёк меня к себе, залезая под свитер: – Прямо сейчас!

– А потом посмотрим, – прошептала я, обнимая его. Он мне реально нравится!

Я усмехнулась самодовольно – победа! Как же, уйдёт он! От меня-то? Хы!!

После поехали кататься. Мой новый любовник был весел и заботлив, всё интересовался, не холодно ли мне? Купил шоколадку, целовал пальцы. Расставаясь, я обещала подумать над вопросом разнообразных отношений. Гоблин и тому рад – по крайней мере честно! Вот,

и думаю, думаю... душевный он, прикольный. Ради меня на всё готов, и катает, и развлекает, и симпатичный – чем не пара? Даже в универе учится.

А Ветер сам даже не звонит... вдруг я уже умерла?

Дома, раздеваясь в ванной перед огромным зеркалом, вдруг психанула – да для кого же я худею, блядь, волосы зачернила обратно – я же брюнетка природная, ему так нравится больше. Для кого все офигенные наряды попрятала, полный шкаф принцесских платьев, развратских, а хожу в одних джинсах!

Надумала – ладно. Быть мне «Гоблин`s гёрл-френд»!

Сегодня для расслабления и снятия стресса, накупила белья, и выпендриваюсь у зеркала. Синие стринги, красные кружевные. А самые прикольные – такие нежно-салатовые, немножко как шортики, и ещё одни – псевдо-детские, бежевые и на тоненьких резиночках, с грибочками.

Закончилось как всегда, коньяком – Ветер не мой, нахрен перед ним выпендриваться? А другие облезут! Идиотская картина – сижу в бельё, и чокаюсь с зеркалом. Пусть хоть Гоблин радуется...

И, блин, тайно всё равно лелею надежду – ему нечего делать с Ленкой, он уйдет от неё совсем, и придёт ко мне, и мы вместе уйдем куда-нибудь, подальше от всех...

Гуляем с Гоблином пешком – тоже бывает! Таскаемся расхристанные, грязные – он потакает моему пристрастию к дешёвому алкоголю. Ночуем где придется, нах домой! Изредка, конечно, не очень-то уютно нынче на улице, зима почти уже с нами! До дикости нагло курим прямо в парке, где и купили у дилера – скромного светловолосого парниши-студера. Развалились на лавочке, ржём, я залазию ему на колени верхом, развратно целуемся и лапаем друг друга (drug-drug`a, как приперло поржать мне), запускаем грязные пальцы в джинсы, изгаляемся, изображая кукольный секс, стонем и вопим – нас несёт со страшной силой! Блюстителю хотели нас согнать, но как-то получилось, что никакая-развесёлая я уговорила их оставить всё как есть. Я потащила его домой – трахаться. Лишь бы не замечать тоски и мучения этого уродского – я неделю не видела ни Ветра, ни хотя бы намек на него Гдеты... И долбанный этот дискомфорт между ног не прекращается – надо бы купить таблеток. Верно говорят – не трахайтесь без любви, для здоровья вредно. А если её у меня ваще нет, любви этой? Невзаимная ведь нечитово.

Встречались мы с Гоблином практически круглые сутки. Я устала от него уже, но бедный влюбленный дурак жить без меня не мог, и звонил без конца, умоляя прогуляться с ним ещё и ещё раз. Ветер как назло молчал, и я соглашалась, чтоб ни о чем не думать. Развлекать девушку Гоблина удавалось отлично – он таскал меня то на природу в обледенелые леса, где так чудесно дышится, то к байкерам на попойки. А однажды стоняли в Самаре, где дружок накупил мне всякой рокерской ерунды в магазинчике «Хобгоблин» (в Уфе такого почему-то Уфе такого нете всякую рокерскую ерунду в магазинчике?) В общем, тусили мы неплохо. Я была довольна «приобретением». Не хватало лишь малости малой – ответной любви... Но я её и с Ветром не испытывала, так что не привыкать. А главное – в сексе Гоблин не проигрывал Ветру нисколько. Он легко соглашался на любые мои эксперименты. Но садо-мазо я ему не предлагала, по крайней мере жёсткого. Так, в лёгкую, скорее в качестве прикола – да. Но не всерьёз, как с Ветром, до боли и крови, до слёз и кошмаров... я просто отдыхала. И возвращаться совсем не тянуло, хотя подспудно я чувствовала – это ненадолго. Проверено – не живётся мне спокойно, не сидится на попе, тянет на всякие мерзости. Но я бы хотела протянуть подольше с возвращением... а там, глядишь и вовсе забудется!

Наивная

На что я рассчитывала? Избавиться от Ветра? А-га!

Притащилась Гдетыгдеты, прямо ко мне домой – причём именно в мою квартиру, и без предварительного звонка! Я сплю, понимаешь, а тут в дверь требовательно трезвонят! Я думала – Гоблин. Ну, или мама. А там эта дура, «ветровка» чёртова! Я заулыбалась, конечно, а сама её оцениваю – стала ещё страшнее, ссутулилась, постриглась совсем уж по-дурацки, косуху напялила, на три размера больше – не то Ветер одолжил? Ну мымра-мымрой! Завалилась в кресло моё любимое, как обычно, без спросу, и давай-поехали рассказывать, как они гуляют, чё бухают, да чё он ей подарил, да как трахаются! Вот будто Я не знаю, как они трахаются! Будто Я не видела никогда! И трындит, и трындит! Не заткнёшь! Добивается, гадина, чтоб я напрямую спросила, чё, мол, припёрлась ваще? Тогда может, она и скажет – ты совсем от нас отвалила, в покое наконец оставила, или как, тебя на днях обратно ждать? Нет уж, облысеет! Улыбаюсь, встречные вопросы задаю – а что подарил, а сколько стоит? А где? – и прочую херь, только о себе молчок! Не дождёшься ты подробностей о моей личной жизни! Не выведаешь, с кем-то я сплю нынче, или одна! Вали, трахайся себе с кем хочешь, а мне вы оба больше не интересны! По крайней мере, пусть ему так и доложит. И пусть о себе слишком много оба не думают. Не одни они на белом свете!

То-да-сё, смотрю – уже скоро Гоблин за мной заедет. Всё, думаю, пора красотку эту выпроваживать! Ну, и давай её выпихивать – ой, Гдеточка, да мне ещё рефер писать, ты уж извини, да и ваще мама скоро должна подойти, и всё такое! Она нехотя поднялась, засобиравшись. В коридоре чмокнула меня на прощание, и только я намерилась захлопнуть дверь перед её носом, вздохнуть спокойнее, как она и прилепила прямо по глазам:

– Маме привет! – и змеиными глазами сверкнув: – И парнишке твоему, на байке – тоже!

Я дверь так и швырнула – сучонка!! Чтоб ты сдохла! Эх, не стоило психовать при ней, надо было кивнуть сладенько, и мирно дверь прикрыть, потом уж волю злобе давать! Теперь она уверена, что выиграла, блядь чёртова! Видит, как я мучаюсь, и то и дело победу празднует! Манда убогая. Ещё небось, замуж за него собралась!! Ненавижу их обоих! И желаю никогда больше не видеть! Желаю всем сердцем! Вырвать раз и навсегда из души! Хватит.

Села, обняла колени, и стала ждать Гоблина. Глаза его щенячьи, тёплые согревают. Я к нему уже привыкла, дожждаться вот не могу, когда придёт.

«Если бы всю соль моря насыпать во все раны мира, СТОЛЬКО бы было боли, и на мою долю половина...»²

Шатались с Гоблином по улицам – опять на ногах, пеший байкер! Просто у него сегодня получка, и он решил надратся как следует со мной, а пьяный он не катается, после того, как кто-то из его окружения погиб жестоко под этим делом. Короче, присели на железный заборчик какой-то, пообжиматься, как – что это? Держите меня семеро – опять они! Вот тебе и раз! Да ещё и к нам ползут, не гнушаются, вот суки! Нет бы сделать вид, что не заметили! Ленка недовольно шипит ему, думает, я не рассмотрю далеко! Да только, родная моя, не у всех же такие плохонькие глазки, как у тебя! Подошли поближе, она на рожу улыбочку сразу. Манда-а-а!

– О, привет! – взвыл сука-Ветер. – И вы здесь?

– Нет, это и вы здесь, мы первые сюда пришли! – злобно ответила я. А Гдетыха просто кивнула, улыбаясь.

² Текст Ромы ВПР

– Здарова! – пожали руки друг-другу чуваки. А я смотрела на неё – когда это она начала так блядски рядиться? Юбка короткая, не по погоде, колготочки узорные, гриндера почти до колена. Ой-ой-ой, и макияжик грамотный, не то консультацию визажиста взяла? Дешёвка.

– Вот, короче, – пришлось-таки рот открыть, на вопросительные рожи вокруг. – Это Гоблин, мой парень!

Брови Ветра несколько удивленно поползли вверх – ага, йес!!

– А это... мои друзья, Лена и Гавриил!

– Ветер! – поправил он. Не нравится? А мне?!

– Ребят, пойдёте буханём куда-нибудь! – радостный дурак Гоблин похоже, ничего не замечал. – Я сегодня с зарплатой!

Думает, что это мои такие хорошие друзья? Как-то надо ему намекнуть, что мне oprичь души сие общество, и свалить поскорее! Чёрт бы побрал этот поганый случай, столкнувший нас вместе! И почему Уфа такая маленькая? Ходи себе, ходи – и знай, натывайся на всякие там нежелательные рожи!

– Ладно, чтож, давай, наливай, на затаривай! – я просто вырвала из рук Гоблина «Три топора», когда устроились на мёрзлой траве, застеленной картоном.

– Ты чего, Дика? – он ошеломленно уставился на меня. – Злая какая!

– А чё сидишь, бля, собрались, так надо бухать, а не базары пиздеть! – я ожгла его «лучшим взглядом», и зубами откупорила бутылку. Зубы чуть не выломала, больно до ужаса, но ни за что не покажу! Залила в себя сразу сколько могла, продыхнула, и нелогично передала Ветру, сидящему напротив.

– Зайка, а мне? – проныл Гоблин, всё ещё пытась делать вид, что моё обращение с ним – шутка. Ага, шуточка!

– А, чё? Сам возьмёшь! – пожала я плечами. Раз такой внимательный, так надо было вовремя почувствовать что не так, и увести меня подальше! А теперь сиди и терпи, сучка. Госпожа здесь я.

– И рабыня! – сказали мне глаза Ветра, обращенные прямо в несчастную горячечную душу...

– Да, – покорно опустилась на колени моя душа. Исчезните все, дайте же нам побыть вдвоём!..

– Ну, котик, ты чего? – встряхнул меня Гоблин, и я облегченно вздохнула, освобождаясь от навета:

– Не, ничего, нормально! – поцеловала его, почти пьяная. – Ты не обижайся тока, сама не знаю...

– Да ладно! – смешно наморщил нос мой парень. Хорошо, что он есть! Пусть будет!

А Гдеты, как я погляжу, злорадствует – типа я, этакая блядина, отвалила от её парня! Ну вот сейчас! Ха-хас, ничего подобного, я успею всех изломать – моей боли хватит чтобы вылить на полмира! Всем вам, присутствующим, достанется!

А Ветер цинично так поглядывает искоса, типа ну ладно! Это он что, дает мне погулять, так сказать, «на стороне»? Да пошёл он!! Не его сраное дело, где я, с кем и как! Он не один извращенец на свете! Без его поганой души обойдусь! Скотина...

Гоблин долго ходил вокруг меня со своими собачьими глазами, чувствуя, что что-то совсем не так. Я старалась вести себя совершенно как обычно – не хочется травить эту тему, озвучишь – и пиздец. Придётся всю грязь со дна души черпать. Она и так поднялась, только надо молча терпеть тошноту и муторность, глотать обратно просящуюся наружу рвоту... Гоблин старался чем-то меня развлечь, и притащил травы. Хорошей, от проверенного человека. А я с расстройства настаивала на цикле. Хотела сдержаться, но само вырвалось. Просто я надеялась, что эту фишку достать трудно, и мой каприз прокатит мимо. Но оказалось, мой дружок и это знает! Бляха-муть, ну хоть кто-нибудь бы не знал этой заразы, а? Как же меня это

добило, господи! Последняя надежда остаться в себе обломалась. Поехали, разыскали. Мало того, эта сука ещё поверил мне, что я в порядке? Это с циклы-то? Кто в порядке с циклы, поднимите руки! Так и уехал, сволочь – А ЕМУ ЗАВТРА В УНИВЕР!!!

Ёптить, а как же мой наркотический психоз? Гандон. И он меня не любит.

Но глюк вышел не страшный.

Я – птица-ястребок. Лечу над бескрайними степями, зелёными-зелёными. Ветер моет тело, покрытое перьями, взъерошивает их. Слетала в деревню какую-то, не вспомнить птичьими мозгами, как называется... В общем, ту, куда мы с Ветром как-то гоняли. Только не знаю, в трансе, или в реале? А, не важно. Полузаброшенный домишка. Опустилась во дворе, а там его мать. Хотя я её никогда не видела, но почему-то точно знаю, что это она. Она как-то подозрительно на меня посматривает. Тут и он заходит. Но какой-то не такой, что-то с его лицом... Другое какое-то. И я объясняю им:

– Я вот хотела сгонять в Бурятию или Монголию, но подумала – что, у нас в России и степей нет?

А ещё будто когда обратишься птицей, нельзя с девяти (иногда с восьми утра) разговаривать до девяти вечера.

А когда я превратилась снова в человека, у меня во рту остался четкий отвратительный привкус от съеденных в облике птицы червей.

Очнулась в волнах чудовищной тошноты. Кажется, её можно было потрогать руками! Меня вырвало прямо на прикроватный коврик. Пиздец... Тягучая желчная рвота обжигала горло, и я не могла позвать никого на помощь. По прошествии вечности, вошла Петровна, будить меня в универ, и заохав, принесла тазик. Хотела вызвать «скорую», но я собралась с силами, и вяло запротестовала пережжённым, сиплым голосом, что не надо, просто я вчера ужинала в кафешке, видимо поэтому... мне надо просто уголька активированного, и поспать. А врачей не надо, дело пустячное, и они меня только растревожат! А самое главное – медиков не проведёшь, они враз увидят, что у меня банальный передоз, и предки таких люлей мне распакуют!! Нет уж, разберусь сама!

Ни с того ни с сего, вдруг встретились с Ветром, через пару недель полной тишины с обеих сторон. Так, как будто и не было между нами никаких траблов, и мы всегда были просто добрыми приятелями. Столкнулись случайно на Молодёжке, я после универа прогуливалась. Пошли прошвырнуться. Потрещали ни о чём – ну, совсем как нормальные друзья! Я уж и расслабилась! Попили коктейля, посидели на лавочке. Когда половину баттла освободили, то прорвало – начали бешено целоваться, вцепляясь в плечи и рёбра друг другу. И вдруг я сказала, распалённая:

– Давай поженимся!

Бог же его знает, что мне стукнуло...

– Давай! – ответил он моментально, даже не дав мне переварить, что я сказала-то! Плохо соображая, оглушённая, я закурила, остывая, и глядя себе под ноги.

– А... когда? – до меня медленно начало доходить, что я собственно, несу! Он смотрел на меня, я чувствовала. Но глаз в ответ поднять почему-то не могла.

– Что, правда?! – я вся дрожала. Почему – не знаю.

– Правда.

Меня всю пробило снизу, по позвоночнику будто горячей стрелой, я вскочила, глядя ему в лицо, он дьявольски ухмылялся.

– А... – что я хочу сказать?

– Боже, Ветер... ну, ты и...

Развернулась и побежала прочь! Что я творю? Кошмар...

Я бежала долго, пока совсем не выдохлась, и леденящий воздух не выжег лёгкие до нестерпимости. Сама от себя, видимо спасалась... Завернув в первый попавшийся дворик, села на лавочку, отдышалась, и закулив, сообразила – ему нельзя. Он псих.

– Ди-ка... – сказала я себе вслух, запрокидывая голову к серому небу тёплой зимы: – Дика, да ты сама псих! – и безрадостно расхохоталась, хотя впору бы заплакать...

– Так-то.

Грубо примяла полускуренную сигарету о каблук, встала и ушла прочь, в неизвестность.

Бывают такие дни – вот как сегодня – когда просыпаешься, и в тот же миг сердце схватывает томительная, беспричинная тоска... Ужас разливается везде, и нет ни одной мысли, только чувствуешь, как от страха перекосилось лицо. Потом начинаешь думать, что надо встать – бр-р! – и идти в универ. От этого ещё ужаснее, будто в универе тебя не ждёт совсем уж ничего хорошего, и даже что-то страшное по дороге... оставшись лежать ещё минут десять – а время-то уходит! – начинаешь продумывать – а чего такого, если не пойти вообще? Ведь вдруг по дороге что-то и вправду случится? Чего уж хорошего... можно, конечно, сказать – да прям, ерунда! А это ведь – универ! Но, товарищи – может перевернуться автобус, может машина сбить, маньяк напасть. Да мало ли! Кирпич на голову, пресловутый. А разве мне универ важнее жизни? А хоть бы и так – но тогда ведь некому будет этот универ таковым считать! Если я не дойду до него... вот потому я лучше не дойду другим способом – много более приятным! – я дома останусь! А потом пойду, но не в него. Уф, вот на этой мысли я перевела дыхание. Ну, надо же – стоило только отказаться от стандартной схемы дня – как сердце отпустило! Я уже одетая и умытая спокойно похлебала супчика, и завалилась обратно в едва прикрытую постель. Как хорошо быть одной! Это сначала, когда страшно и разбита – хоть на улицу беги в одних трусах! А потом – божья благодать! Маме скажу, когда вечером позвонит, что всё путем, а зачёт ещё не сдала – «так Захарова не было! Вот гад, а сказал, что будет!» Я рвусь ему зачёт сдать, а он... хотя, Захаров-то сегодня и будет. Да и фиг с ним, с зачётом – в понедельник социологи идут сдавать, ну и я вместе с ними! Кучей веселее, а сегодня бы пришлось одной к преподу подваливать, прикопается ещё, миллион вопросов задаст! Короче, нах.

Так, пока чёлку разглаживаю, надо подумать, что я сегодня куплю! Воистину, душу женскую греет и тоску разгоняет – шопинг! Я тоже не исключение вовсе, и шопить обожаю! Конечно, когда сил хватает. Хорошо бы записать, чтоб не забыть... я поймала свой тусклый, затравленный взгляд в зеркале, и веселости моей поубавилось... Плечи опустились. Я обманываю себя, пытаюсь встряхнуться, а на самом деле... универ я продолжала не просто так, это ясно. Надо ли мне шопинг этот, чего у меня ещё нет в шкафах? Ну, да, любимая строгая юбка истрепалась. Ещё на рынке гольфики полосатые видела мимоходом – вот для ролевой игры с Ветром вещь! В «Suncity» корсет на шнуровке – строгий такой, без кружев и серёжки—браслетики в «Гостином дворе». Весёленький блеск для губ. Крем для век... в голове так и щёлкают необходимые закупки. Конечно, их будет больше, намного больше! Прихвачу, небось, полудетскую модную юбочку. И штанции «милитари» – будто нет их у меня! Но пройти мимо не могу! «А таких нет!» – подумаю. Лак для ногтей, такого офигительного цвета! И чулочки с невообразимым узором, эротичные.

Потом в кафешке посижу, капучино выпью, с пенкой. И пива. Тёмного, чешского. Покушаю чего-нибудь, интересного.

ДВДшку прихвачу, если попадётся что хорошее. Закажу картошку-фри и салат овощной на дом, развалюсь с коктейлем у компа...

Да, надо бы ещё «Кэптан Блэк», красненькие! А то чуется, к вечеру самое оно будет спокойно покурить прямо в кресле. И сладкий дым повиснет в полутемной комнате, синие блики летают по стенам от монитора, и в них мистически путаются вялые струйки и завитки дыма.

Класс! Мне уже хочется вечера, чтоб быть довольной и усталой. По всей комнате разбросаны шмотки, на мне новые трусики и гольфы, и рубашка с корсетом. А возможно и нет. И я уже полупьяна от коктейля с коньяком, ноги вытянутые гудят. Я медленно покуриваю, на экран не смотрю. А смотрю на свои длинные ножки – ах, какие сексуальные лолитовские гольфики! Положив осторожно руку на коленку, так удобно залезть мне под крохотную разлетающуюся юбочку... Ветер...

«Хорошо, что тебя со мной не будет, и я смогу мечтать о том, что ты со мной сделаешь, и ласкать себя сама, уронив банку коктейля и забыв о фильме, запрокинув голову кусать губы, и вскрикивать иногда...»

Хорошо, потому что ты бы всё сделал по своему, а мастурбируя полупьяная, я рисую нужные мне сценарии! Да, Ветер, ты тем и хорошо, что каждый раз меня насилуешь, не считаясь с моими интересами – и всегда очень хорошо, хоть я и не удовлетворяюсь этим, а бываю лишь измучена и выпотрошена. Но мои сценарии гнетут меня, мне же хочется воплощения и моих идей! Тогда чего же я молчу? Да кто же знает... а зато какой кайф, немыслимый моральный, когда желания вдруг совпадают! Я бываю удивлена и тону в тёплом счастье, что ты меня понимаешь, что у нас с тобой совпали сценарии – значит, ты меня... любишь? Просто сам себе не признаёшься...»

Я подняла голову от дневника, который заполняла неудобно скрючившись на постели, и вдруг ощутила, что запал мой прошёл. Я не хочу уже так вот встать и идти. Оказывается, очень хочу спать... спина болит, и голова тяжёлая. Ладно, схожу потом. Когда проснусь. Неопрятная морально ты девка, Дика! – подумала я, заворачиваясь в одеяло. Непоследовательная, издерганная, и всегда положенный ход вещей нарушающая... как жить тебе? И сердце вон болит – с чего бы? Высыпаюсь, курю мало... страх этот утренний. Измотал меня Ветер. Издёргал! Это же перманентное напряжение! Кто ж такое выдержит? Спи, детка. Не плачь только...

А потом...

Ветер позвал встретиться, прогуляться – но нет, не меня! А Гоблина!! Вот и нихрена себе, эти два убогих скота, моих любовника, обменялись телефонами! Меня загоняют в ловушку – они объединяются, за моей спиной! Когда Гоблин радостно оповестил, что мы приехали сюда, на Пятачок, не просто так, а тусануться с одними хорошими людьми, я прямо похолодела, ощутив кожей, что это за люди будут...

Они и возникли совсем не с той стороны, откуда я ждала, и потому не видела их, пока не подошли совсем близко.

– О, а вот и наши друзья! – крикнул Гоблин, воздевая руки, и я вздрогнув, как укушенная, резко обернулась.

– Блядь, ты совсем... Нашёл кого позвать! – зашипела я в уши парню, криво улыбаясь. Ветер сам по себе всегда не к добру, а уж здесь, при Гоблине, да с таким взглядом нехорошим!

– Да ты что, они же друзья твои, я думал, ты хочешь... – начал Гоблин, но Ветер уже в один прыжок оказался рядом, и раскинул руки обнять:

– А ты что, не рада? – схватил меня, сука, кости хрустнули: – Привет, детка!

– Здрасссти... – процедила я, а он почему-то засмеялся. Издевается, ясен пень. На Ленку я взглянула лишь мельком. Пошла она, не интересна. Всё равно не в курсе злой задумки своего уродского бойфренда! Вот что Ветер задумал, знать бы, чтоб опередить! Этот уж подставит так подставит!

– Ну, так что, пошлите сразу же бухать, не к месту промедленья! – поэтически выдал Ветер, показывая два баттла «Трёх топоров» в Ленкиной торбе. Хых, так она ещё и таскает тяжести за него! Вот сука убогая! А он-то старается, уж не знает, как бы ещё извернуться над

ней! Ещё и бухла самого распоганого припёр, нарочно издевается – деньги-то ему позволяют поило получше употреблять, пусть не выёбывается! Ненавижу, уже не выношу их, эту мерзкую семейку!

Утопали во дворы, расселись по лавкам, парочка на парочку глядит. О, чёрт, как же мне хочется в тепло-светло-под одеяло, да с косячком... А приходится тоскливо косясь на обоих любовников глотать густую, сладкую бурду, и глубоко затягиваться сигаретами. Ожидая, что мой извращенец на этот раз заготовил моей болезненной душе... Ждать, однако, долго не пришлось.

Не успели мы даже баттл один додать, как Ветер уже выдал свою главную фишку – нагло предложил «на троих». Ленка при этих словах отвернулась, будто не слышала даже – не на четверых, без неё! Ха!! Конечно, я согласна!!! Больше со злости, да, но Гоблин против:

– В честь чего это?!

Прямо так и завопил, при всех, сделав огромные глаза. Он-то думает, что Ветер – бывший мой парень! Что, объяснить, что никогда Ветер мне парнем не был, это без разницы, его присутствие в моей жизни на отношения с другими никак не влияет!! Чёрт ты собачий, какая наивность! Нахрен всё, надое-е-ело!!!

Короче, просто развернулась и пошла прочь.

– Ты куда, зая? – схватил за плечи Гоблин.

– Куда-куда, поссать, конечно! – оттолкнула я его.

– Ты вернись только! – попытался он заглянуть мне в лицо.

– Ага! – и ходу.

Гоблин чего-то ещё похныкал вслед, но я не слушала.

После я не видела этих троих два дня. Телефон выключила, домашним велела отвечать крайне неопределённо о моём местонахождении.

Но вот дёрнул же чёрт дверь открыть, когда вечером третьего дня в неё позвонили! Даже не спросив, кто там. Ну, бля, кому ещё и быть! Ветер.

– Ты чего припёрся, а?

– Узнать, как ты, жива ли? – наглец уселся без спросу на пол, мол, не выгонишь!

– Нет, подохла давно, и твой дивный план «тройного разврата» обломался!

– Вот это-то и плохо... – кивнул он.

Чую, даже по первым фразам – затевает Скандал – тихий, но с большим наказанием.

Я не буду даже описывать всё то, чему он подверг моё бедное существо, но потом измученные душа и тело болели вечность, и уже точно ничего больше не хотели на долгое-долгое время вперёд! И с Гоблином и с Ветром я не виделась, отходя в необходимом одиночестве, переваривая наказание. Гоблин пытался, конечно, изъяснять права «моего парня», для чего безрезультатно звонил, и даже лично пришёл разбираться в причинах моей холодности, но я ему доступно напомнила, что ничего ему не обещала, кроме секса, а если я его сейчас не хочу, то надо оставить меня в покое, и подождать, когда позову сама! Он, само-собой обиделся, но с моей правотой спорить не стал, и отправился восвояси, тихонько дожидаться возвращения Госпожи Дики в его сердечно-сексуальные пространства.

«Кто-то с кем-то в постели, а в душе одинок...»³ – жаль, Гоблин, но сегодня это про тебя! А теперь и в постели твоей пусто будет. Что же я делаю с собой и другими?..

Некий концерт сегодня. Солянка сборная, из каких-то никому не нужных «пионеров юных», и мухоморов «Психея». Не в обиду никому, но я к альтернативе не очень. Ветер

³ Текст группы «Шмели»

проигнорировал, у Ленки денег нет. Зашибись!! Сидим на железных заграждениях у «Огней Уфы», задницы вымораживаем, выпиваем. Я, Русский – в дрова пьяный, собака. Без Ведьмы – она на учебе. Вечно учится, подобрал же себе такую... Бла-бла ни о чём, Русский мне рассказывает, какая у него Ведьма суперская, я киваю. Ага, как же! Ясен пень, у кого что болит... а у меня Ветер тоже ничего так, мерзавец.

– А давай-ка, Русский, споём лучше! Шмелей!

Потому как с кем же ещё можно спеть Шмелей? Тут свой трабл – никто не знает их раннего, оно раритетище, не переиздаётся. А то, что издаётся – не найдёшь в Уфе, а если и найдёшь через кого-то – то и искать никто не станет, потому что ленивый народ, дремлющий. И пока есть с кем – надо петь срочно!

– Во-о, давай!! – тут же согласилась эта пьянь.

И я затянула:

Сердце не станет стучать как часы
Пальцы не смогут ласкать как вибратор
Крокодилы слезы не заменять росы
Бога не заменит
ПРОВОКАТОР!

Потом забыла слова, посмотрела на Русого, он похуистически махнул хайрами с рожей декадента.

И – Русский!

В доме моём уже зацвела-а-а
Поебень тра-ава-аа!
ХОЙ, ХОЙ, ХОЙ, ХОЙ!!!⁴

Вот повод задуматься о курении – не тяну, больно!

Не обошлось и без наших любимых «Цветов». Это ведь как – если поём «Цветы», значит, мы точно с Русым сидим!

Втянула земля душеньку-у-у-у,
Последнюю хорошую-у-у-у,
А небо возмутилося дождями и порошею-у-у-у.
Мол, где же справедливость-та-а-а?
Ведь я краса небесная,
А ты земля вся чёрная, червивая телесная.
Лишь цветы тянулись до звезды,
Смертельной красоты...
Упали звезды горды-е-э-э-э,
Истлели до черна-а-а-а!
С землёй они сливались,
Как голые тела!
И лишь цветы тянулись-а-а-а,
До дальней до звезды—ы-ы.
И лишь цветы тянулись

⁴ Текст группы «Шмели»

До смертельной красоты!⁵

– Слышь, Русский, это... а чё, если пригласить Шмелёв сюды...

– Типа, в Уфу, чтоль? – косой-прекосой Русский хорошо соображал!

– Типа того! Им надо тока дорогу оплатить и всё такое... ну, там жрать и пить, экскурс по просторам нашей родины, типа... и всё! Им даже не надо никаких там этих... алиментов...

– Каких алиментов?? – такие глаза квадратные, просто подохнет от смеха!

– Русский, ты гандон!! Ну, этих... гонорара!

– Ну, да! – всё, проржался, сволочь. Как будто сказать херню нельзя, закон вышел против херни!

– Реально, думаешь?

– Ну, да! А чё нереального? Тока точку подыскать! Или ваще квартирник!

– У тебя реально?

– Не-а... у меня-то как раз и нереально...

– Типа?? У тебя же свой угол, анархия и все дела!

– Ну, это другое! А кто потом дрянь всю эту выметать будет! Думаешь, охота?! Да и ваще... не, нах квартирник, давай думать, у кого чё есть, типа, знакомых. Я нихера никого не знаю.

– А типа я знаю...

Хотя, глядя на Русого, я засомневалась надо ли продолжать? Подозрительно кривой приятель, слишком уж... куда его, если отрубится? Ведьме звонить, человечка мутить посреди процесса деятельности? Нафиг, некультурно! (О, блин, опять это словцо Шутово! Меня аж передернуло).

– Русский, а мож, те уже хвана?

– Чего? Какого хвана? Не-а, мне ещё!! Чё, охренела? Когда это мне хвана? Где там Зоська с водкой?

– Ну и к черту.

Пить так пить, пусть сам за себя отвечает.

Вот так и сидим, трендим. Русский упал, я подняла. Он прилёг поспать. Скоро двери заедения открылись. Что странно, этот гад уже трезвый был. Эка он умеет, смотрите на него! Полчасика под лавочкой – и хоть на парад! Что значит опыт и молодость! Или Ведьма хорошо кормит.

Сам концерт... ну, так... нечего особо сказать. Поплясали малость, покурили до отупения. Меня мутило. И тут мне Зося звонит – вы где? Тут такое!! Какое-такое... я щас блевать буду! А она – не бляй, погоди, а выходи по-быстрому на крыльцо!

Ну, вышла. Темнотища. Подруга орёт – а вот ты, чё стоишь, подошла бы сразу! Я в ответ – так я же ни хера не вижу. Она мне по морде слегка настучала, чтобы я в себя пришла, и потащила на лавочку. Там сидит серьёзная такая герла. Покурили. Они, не я конечно, не могу курить. Выясняется, что это не герла, а очень даже серьёзная женщина – менеджер-др-др-чего-то-там. Замерзая, я поняла только, что занимается организацией гастролей. Опс, да энто же то, что доктор прописал! Я развеселилась – значит, Шмелей будем обсуждать? Ой, так сразу! Хорошо!

Чувиха и говорит – девочки, чё мёрзнем-то? Поехали в культурное местечко, посидим.

– Давайте зайдём сюда, в бар, – я говорю. А герла – нет, я говорит, кушать хочу, а здесь хернёй кормят. Мне здоровье нужно пока. Зоська погрустнела, ей с нами никак, она ещё маленькая. Лана, распрощались. И поехали с герлой на её тачке.

⁵ Текст группы «Шмели»

Сидим, уже до текилы добрались. Потом вместе сбегали «в соседний кабинет». Очень сближает! Она предложила снюхать кое-чего. Но мне это так напомнило замыленное кинище, типа криминального чтива. Я деликатно удалилась. Она вышла заметно повеселевшая. Пока ждала её, нарисовалась картинка, как сотру ей с носика остатки крэк-пудры... но не пришлось. Она аккуратная драгесса. После третьего захода с текилой, я наловчилась-таки называть герлу Викой, а то всё улетало куда-то.

Само собой, что я оказалась у неё дома. Ну, как бывает всегда – знаете, что вроде даже что-то говорил, смеялся, смотрел человеку в глаза, а потом не понимаешь, будто из воды вынырнул – уже в самом неожиданном месте. И хмыкаешь, и немного жмёшься – неудобно, некультурно как-то... и слово-то откуда у меня такое? Кто-то выражался так. И пить совсем, ну невероятно до чего, не хочется. И деваться некуда – пьём. Она развалилась в кресле, ноги вытянула – длинные, красивые... колготки сняла. Предварительно поинтересовавшись, не против ли я. Да мне-то? Я тоже сняла. Вместе с джинсами.

«Раз – и ты в белом платье...

Два – в моих объятьях...»⁶

У неё оказалась отличная упругая грудь, с заводными сосочками, тёмными и горячими, с такими складочками нежнейшей кожицы в окружиях. Поцелуй между ног к хорошему не приводят, позволив такое уже поздно брыкаться...

Вот и всё.

Домой пошла пешком. И думала о ней.

Понятия не имею, когда я успела узнать о ней так много... у неё сын, с необычным именем Гордислав. Она развелась с нелюбимым мужем. Выйти за которого просил её... нерожденный сын. Вот так пришёл и попросил. Прикиньте да? Как вам? Девочка моя тридцатилетняя, надо бы тебе пить поменьше... да ты видимо давненько увлекаешься всякою бякою, дорогая моя Вика, раз сыну уже семь лет, а до сих пор чушь такую наркотическую несёшь! Пацанчика жалко твоего... Я привычная к подобным откровениям от святых Химии и Бухла, и потому сочувственно кивала, целовала тебя в темноте, пожимала ледяные пальчики. «Блядь, Дика, пора кончать эту игру в мать наркоманов! Достали.» С утра ты тихонько сглотнула чего-то из горсти и через пять минут замученная и горькая баба-яга была снова молода, свежа, цинична и прекрасна.

– Бизнес-леди моя, дурочка ты! – сказала я тебе, и поцеловав на прощание вышла. Ты несколько смутилась моему спокойно-твёрдому отказу подвезти меня, «и даже чаю не попьешь», ответила на мой поцелуй несколько неохотно – но я доигрывала глупую пьесу до конца!! Я актриса Жизнь, драть вас в ухо!

Она просила позвонить позже насчёт Шмелей... ах, да, мы же встретились обсудить гастроль! Ну, да. Да.

Пришла домой после ночи с Викторией, какая-то пустая, свободная и лёгкая, никому ничего не обязанная, будто нет никого и ничего...

Включила по наитию музыку – латиноамериканское этно. В детстве ведь мама гоняла меня на классические танцы – по-идее, я танцую испанские, латиноамериканские, танго... мне и было-то лет восемь всего. А сейчас давно уже коряга-корягой. Иногда вдруг вспомню – да, было дело! Но ведь растолстела, суставы не гнутся. А тут накатило! И не о чём не думая, вытянула из-подхлама белья твёрдый топ на косточках, фиксирующий грудь – надо же, лезет!! Бёдра обвязала шелковым платком, юбка не налезла ни в какую – ну вот, я же говорю, толста я для танцев. Только сейчас это всё равно – я хочу танцевать! И в некоем трансе, позволяя телу

⁶ Текст песни Авраама Руссо

вспомнить, придумать самому закружила по комнате. Трудно было отделаться от мысли, что я непластична и больна, и не заглядывать в зеркало. Тело прокуренно-пропитое, плоховато гнулось, и норовило завалиться на диван – типа, куда уж теперь... но я завязала глазки, чтоб уйти от всего вообще, не вспоминать о себе самой, и дело пошло много лучше! Я полностью отдалась музыке, позволила ей проникнуть в кровь и раствориться в ней. Голова кружилась, дыхание сбивалось но вспомнилось памятью клеток, как правильно дышать – глубоко, медленно, и низом живота, «подбирая» его а позвоночник вытянуть:

– Так, Ивана, так! Молодец! Тяни, ещё! Живот в себя, грудь вперёд! – вспоминалась сама собой Розанна – моя преподаша, латинка-полукровка, страшная как чёрт, но с горящими глазами фанатика танца!

Я забыла обо всём на свете, и танцевала, танцевала! Мир вертелся и порхал в моём внутреннем пространстве, ставшем бесконечным! Я и раньше ни разу не испытывала подобного – ведь глаза завязывать не пробовала когда делала это профессионально, и всё время отслеживала ошибки, а сейчас – лишь я и танец! Танец со Вселенной – моей Вселенной! Огонь полыхал внутри, и меня самой стало так много, так широко, я потеряла тело – Я Огонь! Я колыхаюсь под дыханием звёзд, я порхаю – и нет никаких суставов! – напоминаю сознанию, которое не желает успокоиться и дать мне раствориться полностью в себе самой, в горячей крови растопить мысли. Но постепенно засыпает и оно – всемогущее скептическое сознание. Нет никаких связей, чтобы мешать неуклюже и болеть, нет печени и лёгких, которые сводит от движения – они сливаются со всем миром, неотделимо от всего, божественная гармония! Я – Огонь, Агни Извечный... Я – Танцующий Бог...

Но иногда вдруг накатывает проклятая боязнь темноты – я на краткий миг стягиваю повязку с глаз, и очень коротко глянув на внешний мир, убеждаюсь в его искусственности, а потому нестрашности – снова закрываю глаза, и плавно изгибаясь вперёд – «руки будто раскрываешь для объятий» – звучит голос Роз, подменённый на мой. Потом плавно назад, с перебором стопа за стопу – руки будто утягивают за собой захваченное в объятия. Пальцами перебор, как на струнах арфы, взмах, голову назад. И позвоночник... но исчезает и это, мозг тает в божественном жару, и прекращает фиксировать всё и вся... я взлетаю... пот струится по телу, сладкие струи омывают душу и сердце, которое стучит повсюду, растворившись и потеряв форму, перетекая по вселенной... вдыхаемый воздух протекает сквозь меня, как волна сквозь другую волну, переплетаясь с пространством из ниоткуда никуда... Экстаз...

На паузе между композициями вдруг почувствовала, что тело все же есть и как дико я утомила его. Упав на диван, задрала ноги на стену, убрала мокрую чёлку со лба, руки раскинула – ах... Полежала немного, вслушиваясь в тишину внутри, заполненную забытым сладким чувством, больше чем чувство... чуть позже пришло ощущение себя – и смех сам вырвался из груди – ма-ма, я танцую! Я не такая стремная кобыла, как решила уже... но это не важно – а важен сам процесс, и сам способ закрыть вырванные клочки, дыры в себе, ощутить цельность... я погладила себя по совершенном мокрому животу, и не выдержав накала следующей мелодии, вскочила и с новой силой закружилась, перебирая ножками часто-часто, воплощая пришедший сам собой Танец, требующий огромной страсти и проворства, воспитуемого месяцами тренировок. Я и его не забыла совсем, и скакала как молодая страстная коза, наслаждаясь на этот раз иным чувством – реальностью происходящего, что вот и так я еще могу! Ах, какая я горячая стерва! Какая убийственно сексуальная испанка!! Я прогнулась максимально назад, скрестив ноги, стоя на носочках, как на каблуках, взмахнула изящно и горячо подразумеваемым веером... и тут заходит тетя Нюра, и всё обломала. Блин. Я остановилась, только слегка пританцовывая. Домработница, конечно, моментально исчезла – я ведь танцевала в зале, у меня комната длинная но узкая, развернуться особо негде. Не могу же я при ней продолжать! Вот ещё... да и устала... сгорбившись опустилась на диван, было трудно

и больно глубоко вдыхать. Повалилась некоторое время, потом лениво напялила одежду, собрала волосы, и пошла умываться.

Обижаться не стала – всё, хватит на сегодня! Предложение покушать приняла с радостью – пора! Напрыгалась, основательно, впервые разогнав за долгое время кровушку как следует, настроение охрененное! Даже матом ругаться не хочется, и тетя Нюра не раздражает. Весь мир будто обновился для меня, просто так, сам по себе.

И при чём тут Вика или ни при чём – непонятно.

Может её совсем не было?

Покушав, закрылась у себя и попробовала попеть на той волне. Вот это кайф, вибрации высокие и низкие, пробегают по телу, как бриз, и голос, из расправленной диафрагмы – чист и легок! Вот это так! Значит, нужно поплясать, прежде чем петь... То-то Ветер удивится, когда я ему спою вот так. Он же, сволочь, уверен, что у такой прокуренной суки ни в жизнь не получится петь просто даже нормально. Куда уж там хорошо...

А вот обломись! Я вот как могу! Лишь разогнать кровь! Вот почему музыканты прыгают и не захлебываются воздухом! У них кровь бежит через органы быстро, и всё очищает. Вот так секрет!

Я пела до самого вечера, не выходя, пробуя и так и эдак... в основном получалось, а если что-то не брала, распевалась ещё, гуляя по регистрам голосом, дышала на разной глубине, ложилась и вставала, примеряясь, как лучше идёт, и всё же разгонялась до нужных высот.

Вечером проходя из ванной в зал, с полотенцем на голове, уловила как тетя Нюра рассказывает маме втихаря, что «Ивана танцевала, я зашла и увидела! Может, вернётся к занятиям, вы бы поговорили с ней, Лариса Николавна!». Спасибо, уже доложили! Чёрт. Какое кому дело до моей личной жизни? Я немножко разозлилась, и подслушивать дальше не стала, тем более, что завалился папа:

– Тшэшъчъ, бесштанная команда! – весело крикнул он мне сходу, как в детстве. Я хотела было психануть – не видно чтоль, что у меня уже давно титьки, хватит всякую хрень городить! Но он упредил – вручил мне пакет с новыми фильмами, и я, забыв обижаться, полезла разбирать его.

Поужинали, и развалившись перед домашним кинотеатром, мама вдруг предложила снова заняться танцами – ну хоть чем-то! Настроение было прекрасное, я радостно согласилась, и потом весь вечер мечтала, как это будет здорово! Вернуться в мир движения и звука, ощутить вкус гармонии и полёта... О, да!

Но утром вышла на улицу, закурила и... Куда что делось? Зачем это вообще? Снова жить по режиму, бегать на занятия, а квалификация давно потеряна, толку уже не будет. И вообще, вон идёт старый «системный систер» Аринка-Чёрт, из моей бывшей компании, орёт:

– Здорово, ты куда, бля, ваще пропала? Баблю есть? Ну айда бухать тогда, давно не виделись!

Вот так. «Реальность» позвала. Напиться, позвонить Ветру – а его нет, он не отвечает. Беспокойство, гасимое бухлом. Вот и вся грёбанная жизнь...

Снова день прошёл так же, как и многие и многие и многие...

Набить бы Гдеты рожу... но это лишь мечты. Мечты о свободе – я могу то, могу сё... не могу я освободиться, вырваться и улететь...

Тупо смотрела забытое в гнезде ДВДшки кино, лишь бы не шататься по квартире, не раздражать предков перегаром. Потом упав на кровать, заплакала над своей никчёмной судьбой, которую почему-то сама же не беру в руки, и ничего не делаю для её исправления. Да и что я вообще могу, дура пьяная?

Ах, вот если бы автостопом по галактике – вот это!!!

Захлестнули сладкие мечты о Смерти, как о вселенском освобождении – не будет влечения порочного к Ветру, не будет Гдеты, которую нельзя убить. Не будет универа, мамы – ничего!! И слёзы по лицу – ах, как же безумно, дико долго ещё ждать – а так хочется автостопом по галактике!! И ведь будет... будет!! Эти мысли утешают, и я засыпаю в обнимку с плюшевым зайцем, счастливая. И лечу, лечу!!

Ветер позвал к себе домой, просто посидеть, что-нибудь поделать вместе, мол, он соскучился по простоте и душевности. Я не возражала – мы ведь так редко тихо и мирно общаемся, всё только дерёмся и калечимся.

Ну, что – попили чайку, поржали над чем-то незначительным. Поначалу напрягались с непривычки, но добавили коньяка, расслабились, и полезли в интернет. Конечно, первым делом скачали новые выкладки Жанны. Эта тема в сетке горит всегда и у него и у меня!

Про секс и кекс

«Странные мы люди

Нам трудно что-то втолковать – мы зверски упрямы. А ещё и это дурацкое соперничество... на хрена вот нам надо, казалось бы, вообще воевать друг с другом? Больно ранить без конца, издеваться. Садисты какие-то вообще... то и дело, расслабишься – и получишь хорошего хлыста по душе! И с ним так же – стоит ему немного потерять бдительность – как я сразу злобно жалю, змея. Ухо остро! Глаз намётан – только любимый враг зазевался – пиздец. М-да.

В принципе по-настоящему нас можно пронять только сексом. Ну не охота куда-то идти и о чём-то думать, но если тому причина секс – о, всё! Тогда мы живо делаем что положено! Идём к врачу, умываемся – да мало ли что! Меня по большому счету только секс и движет! Нифига бы я не стала собой так упорно заниматься, волосы отрачивать – с ними столько возни!! Деньги тратить на разные штучки, маленькие но очень важные – всякие там чулки и прочее. Карандаши для глаз, помаду невероятно красную. Шнурки. Лак. Ой, всего не передать! Книжки, извращённого направления. По полночи фантазий. Спать так дико хочется – но нет, «это для секса, Жанна!» – и пошла я спотыкаясь на ходу заниматься собой. Зато потом в зеркало приятно смотреть! Красота!

С ТорКом примерно то же. Если я пыталась что-то ему донести, втереть, и нифига не помогало – так достаточно сказать, что это хорошо для секса, или если так не сделать – секса станет меньше... всё! Пошёл и сделал.

Страшная сила. Не любовь даже – а секс. А секс на основе любви!! О, это просто самое сердце всего, что в мире может быть. Вот так-то.

А, в чём прикол – древние считали, что настоящая любовь приходит после первого секса. Или всё разрушается напрочь. Да, точно! Так у нас и было. Я переспала с ним первый раз потому что просто захотела его. О любви речи не было (с моей стороны). Вот, а потом уже что-то такое проснулось... и понеслось, как снег с горы!! Пиздец. Водоворот. Безумие!

А ведь это только начало. Наивно было думать с его стороны, что наши отношения себя изжили! Я только расцветаю кровавыми цветами! Лучший и безумнейший сексуальный возраст женщины – двадцать пять – тридцать лет. Потом только семьдесят (кто доживает!). Я это чувствую. «У нас есть вечность, но это немного, для обряда безумия нам!» У нас есть ВЕЧНОСТЬ.... Но это немного.

Я приручаюсь очень долго. Очень. Но зато приручивший получит всё, до конца. Я не останавлиюсь ни перед чем, и на за что, чтобы получить его! Если останавливаюсь, я думаю, думаю, думаю.... А потом делаю. Я делаю. Мне просто нужно много времени. Торопясь все успеть – смерть за спиной!! – я стою и молчу. Интроверция, блин... Таков мой образ мысли.

Таков мой способ отношений с миром. Или лучше сказать – сношений с миром? Весь мир есть секс. Что-то насилует тебя, чему-то ты сам отдаешься.

Весь мир есть секс. Весь мир есть ТорК...

Он так сексуально облизывается. Он так сексуально злится!! Он так сексуально существует! В конце концов, не побоюсь повториться – похоть была первее любви. Или это любовь так осторожничала?

Даже просто глядя друг на друга – мы занимаемся сексом. Даже просто думанье о другом – уже есть секс. Самые прозаичные дела в присутствии другого – есть секс.

А я приду и...

P.S. Мяу?! Подлизываюсь...»

Читаем, он странно как-то жмётся. На меня не смотрит. Будто ему неудобно при мне такое читать... насколько я понимаю, Жанна ему очень дорога, он над ней дрожит с юности, а тут я... будто пускает меня в свою неприкрытую больную душу... а сам думает, что я его не понимаю, воспринимая Жанну по-своему. И знает при том, что очень хорошо понимаю и за себя и за него. Странное чувство и для него и для меня.

– Вот... – тихо говорит он.

– Ага, – тихо говорю я. Молчим. Понимаем всё, и стесняемся показать, что проникли в неприкрытую больную душу его оба... неуютно ему со мной собой делиться. Неуютно мне неподделённое брать... Ах, Жанна, знала б ты... знаешь, наверное, раз не стесняешься вести онлайн дневники, будучи такой популярной скандальной личностью! И скандальность-то твоя в беспрецедентной откровенности! Жанна Моуле... ТорКова жена... Жанна...

Я задумалась, он тоже. Когда пришла в себя, Ветер сидел глядя на свои истерзанные руки, и мне стало очень неловко.

– Я пойду...

– Ага, – только и ответил он.

Дурацкая затея – нам изображать приятелей-подростков! Игры удаются нам только в грязном сексе, а в обычном общении... нет, не стоит больше и пытаться! Мы просто вместе злобно веселимся, надо это помнить! Как бы не хотелось порой быть чем-то больше, нежели развратные любовники...

Вот так «радость» у нас сегодня – сестра приезжает из Дании в гости. А я её не помню нифига, последний раз она посетила Россию, когда мне было лет пять всего. Всё что у меня осталось – это глухое раздражение и детская обида что у неё-то имя нормальное – Женя, а меня так обозвали! Та женщина, её мать, небось не послушала всякую херню про фамильную гордость. Мама у папы жена первая, но я дочь-то вторая. Сеструха меня на двенадцать лет старше, привет из «папиного прошлого». Когда папа начал таскать немерено денег, унаследовавшая красоту и пронырливость девица вмиг перебралась в Данию, завела влиятельного «друга», выучилась и открыла бутик модной одежды. И вот все носятся, мама не знает что ещё и сделать, заказала профпомывку окон, чтоб Евгения не думала, что у нас какая-то шарага вместо семьи. Не понимаю – да маме-то что, это её дом, и разве мы не имеем права жить как хотим? Вообще, меня вся эта байда тока раздражает, и я хотела смыться к себе в норку, но папа «устыдил», и пришлось остаться. Чччёрт!! Лучше бы я где-нибудь бухала!

Пока папа ездил за ней в аэропорт, я жутко нервничала – почему я не могу уйти к себе, и должна развлекать эту буржуйку? Я её не знаю!!

– А вот и мы!! – папа так заорал с порога, что я вздрогнула и похолодела. Как же – у него событие! Я, конечно, понимаю всё, но... я хочу, чтоб меня оставили в покое. Это не мой праздник!

Что сказать о сестре? Красивая, эффектная, дорого одетая высокая отполированная шатенка. Курит – по голосу слышно. И сразу видно, что не местная. Но шумная, и грубоватых манер. Делец всё же, что неминуемо накладывает свой отпечаток. Да и по мне тоже небось сразу видать, что прожжённый алкаш. Надеюсь, что не сразу... а то как-то неудобно общего папу позорить. Но тот ничего не замечает, и воробьём скачет вокруг дочуры, счастливый до безумия маминым пониманием ситуации, и отсутствием ревности с моей стороны. Неужто думает, что я до сих пор должна ревновать? Мне скока лет ваще по его дурацкому мнению? Иногда так и добивает это его кретинское отношение к маленькому подросточку Иваночке! Знал бы он, чем я по закоулкам с Ветром занимаюсь – сразу бы в обморок хлопбсь, и пипец! Ма-аленькая злобная папина дурочка.

Всё это разглядывание альбомов, тоска дикая – на хрен её, сестру чужую и ненужную!! Припёрла тряпок из своего бутика в подарок мне и маме. Тряпки прикольные, конечно, и по размеру, мама небось проконсультировала. Но это ничего не меняет.

Торжественный ужин – я сижу вразвалку, нагло, и она тоже. Друг с другом не разговариваем – а чё нам сказать? Слушаем разглагольствования папы, слышанную-переслышанную семейную легенду, что все мы из древнего рода, от князей Вишневецких, польского князя Вацлава Вишневецкого и графини Анны-Гертруды Вершбен фон Готтен-Вишневецкой. Она очень поздно родила ребенка, наследника, и всё такое. В отместку её старший сын женился на безродной полячке, и родил кого-то там, кто послужил началом... роду Ветра!! Потому как имя её, той полячки, Эльжбета Изборская – а фамилия матери Ветра!! Боже, я чуть не подпрыгнула на месте, как обожжённая внезапной мыслью! Я просто в шоке от проложенной в мозгу линии! Как же я давно не догадалась? Видимо, потому, что последний раз слышала навязшее в зубах предание ещё до встречи с Ветром. Мы оба – польские аристократы! Почти родня, к тому же, так хорошо сохранившие родовые линии и гордость, и... извращенность. Ага, Изборская – «Изврская», угодливо явил мозг ассоциацию. Всем же известно, что они извры – дворяне эти. То есть, не они а мы...

В жутком запале от такого невероятного открытия, едва дождалась приличного момента, и побежала звонить Ветру – а он меня послал грубо, сволочь:

– Ты вконец обалдела? – прошипел мой любимый. – Что я тебе, гуляка, я на работе!

Еле дожив до вечера, я помчалась к нему с открытием. Мы ведь наподобие брата и сестры! Это добавляет острого перцу нашим отношениям! Охренеть!!

Он серьезно выслушал, кивал, добавляя какие-то свои сведения, подтверждающие, что так оно и есть! Но какой-то замкнутый и вялый был... мой энтузиазм сменился усталостью, и постепенно закруглившись, я собралась уходить, а он вдруг схватил меня за руку, и принялся горячо умолять остаться!

На свете есть только два человека, способных уговорить меня на что угодно – это Русый и Ветер. У Русого есть такое фирменное лицо, с неповторимой ямочкой под губой, и девчоночьим наклоном ресниц, что как не отнекивайся, а всё едино уговоришься! А Ветер... думаю, не стоит объяснять даже. Конечно, умолил-таки остаться ночевать с ним! Ему дико страшно, говорит. Но и мне с таким Ветром страшно! Мелко вздрагивает, косится по углам – знаете, музыканты и «перформанисты» такие рожи часто ломают, для сценического эффекта сумасшествия. Но Ветер-то по-настоящему!! Господи, куда я забралась опять, в какие дебри чужой души? Мне и жаль его очень, и страшно, и ломает просто – я же не знаю совершенно, что делать, если ему хуже станет?? В дурдом звонить? Но куда, и что говорить? А если будет плохо в конце, а в психушке мне скажут, что этого ещё недостаточно, чтоб забрать... Да и жалко, сдавать... Я же его люблю! Ну вот, уже близка к панике, и готова даже смыться втихую! Жмусь в прихожей, не раздеваюсь.

Но он не отпускает, хватает за руки, и тянет на кухню:

– Пойдём, пожалуйста, мне страшно здесь стоять, темно слишком!
– Где темно? – лепечу я, позволяя себя увлекать из ярко освещенного коридора.
– Ай, да это неважно! – кричит он, включая свет по пути везде, куда может дотянуться.
– Главное, что ты... да ты раздевайся, ну что ты, детка! – кричит он, стягивая с меня шарф. – Не бойся только, я сам уже боюсь за троих! – и по-дурацки хихикает, пожимая плечами, как тупенькая студенточка. «За каких-таких троих – за Ленку, чтоль в плюс к нам??» – промелькнула злобная мысль, приведшая меня в чувство. Чтож, во-первых. может всё ещё не так плохо и сложится, чаю попью, да и спать ляжем, или в инет полезем, как нормальные; во-вторых, даже если ему и станет хуже на моих глазах, так я хотя бы узнаю, что такое вообще его пресловутые рецидивы, после которых Ленка многозначительно молчит, и вздыхая, пожимает плечами, мол, чтож, бывает, не впервой! «Не всё же танцы да обжиманцы!» – как однажды с немалым подвохом вlepила она мне, посмотрев со злостью. Всё, остаюсь! И будь что будет!

– Ты знаешь, – Ветер достал сигареты, одну протянул мне.
– Она ведь не придёт только если ты здесь будешь! – он прикурил и нахмурился.
– Кто? – я опять про Ленку подумала, конечно.
– Она... – он глубоко затянулся, закашлялся, потом поднял лихорадочные, пугающие глаза. Разум в них таял по секундам.

– Белая Дева, ну, я так её называю... Боюсь спросить настоящее имя, и вообще – а вдруг она скажет, и больше никогда не уйдёт, совсем привяжется ко мне?

– А... – только и ответила я.
– А как думаешь, возможно такое?
– Ну... – начала мямлить я. – Наверняка, ведь при сеансах спиритизма...
– Ха-ха, ну ты сказала! – Ветер закатился громким хохотом, совсем как в себе! И верно – что за бред я несу? Может, он просто приколотся, а я испугалась!

– Её ведь не надо вызывать, при чем здесь спиритизм? – совершенно серьезно оборвал он, опустив голову и наклоняясь ко мне.

– А когда она... Ну, Ленка здесь, она тоже не приходит? – кажется до меня вдруг дошла суть вопроса, я наверное, тоже свихнулась, раз так легко поняла Ветра.

– Нет, не приходит! – он покачал головой, отчего слабая резинка слетела, и волосы красиво рассыпались по плечам.

– Красиво как... – не удержалась я.
– Нет, ты что! – глаза его округлились. – Совсем некрасиво! Это отвратительно! – он всерьёз разволновался.

– Она... она стара! Но это полбеды, у неё нет половины лица, все время его прячет, под волосами, и знаешь, я и хочу заглянуть туда, под эту завесу, чтоб убедиться, что она проще, чем хочет казаться, и с другой стороны – меня чуть не парализует, от мысли, что же там можно скрывать, если она приходит испугать меня, а сама ещё и прячется, так значит, у неё там, в тёмной части что-то совсем уж... что меня убьет, а она же всё норовит меня... меня... – тут мой несчастный Ветер опустил голову и заплакал, не пряча лица в ладони.

– Ну, что ты... – прошептала я, садясь ближе, и протягивая руку, погладить по притягательным его волосам.

– Дика! – он схватил меня в охапку, прижимая к себе, и всхлипывая.
– Ради бога, не уходи только! – слёзы намочили мне шею, немного неприятно и жалостливо.

– Не уходи, ни за что! Даже если я буду гнать тебя, и ругаться! – прошептал он горячо, и укусил в шею, не больно. – Потому что я могу совсем потеряться... Ты ведь... а ладно, давай, я таблеток нажрусь, и спать ляжем... Она не придет, если ты рядом...

– Давай, – согласилась я, кажется, и правда, лучший выход! – И свет не выключим! – воодушевился он.

– Как скажешь! – я легонько отодвинула его, и начала раздеваться. Ветер вытер слезы, и сел смотреть на меня. Я расстелила постель, разделась до маечки и трусиков, залезла под одеяло, и жестом пригласила его к себе. Любимый радостно нырнул ко мне, прижался всем худым холодным телом.

– Как хорошо с тобой! – прошептал он, и я ответила:

– Ага, – подумав при этом – ох, и тесная же у тебя кровать для двоих!..

– Дика, Дика!! – разорвали сон вопли Ветра с кухни, и вскочив, я помчалась туда на автопилоте. Вот чёрт.

– Что? – остановилась я в дверях.

– Она... – Ветер смотрел испуганными глазами на разбитую чашку в луже чая у его ног.

– Кто, Ветерочек? – как можно мягче подошла я к нему. Вот, блин! Он меня пугает!

– Она опять пыталась ко мне приставать... – прошептал он, прижимая меня к себе.

– Ну... – знать бы ещё, что говорить в подобных случаях!

– Это Белая Дева... я её так называю не сам! Доктор Лисицкий сказал, что я сам придумал... Но нет, она велела... сама, только один раз говорила со мной! – жарко шептал Ветер, озираясь. – Видишь, я всё ещё боюсь, хотя точно знаю – она исчезает напрочь, если кто-то есть! – он покачал головой и горько усмехнулся: – Это она меня с ума свела, не дает жить нормально одному!

– Ветер... – начала я, замерзнув: – Давай тогда, раз она ушла, вернемся в постель, ну, или чаю попьем!

– Не, давай тогда кое-чего получше, а? – он сразу оживился, и выпустив меня, шагнул к холодильнику. Достал распечатанный литровый баттл «Джека» – ого!

– Ты удивляешься, откуда у меня такое дорогое бухло? – улыбнулся он, перехватив мой взгляд.

– Я зарабатывать лучше начал! – и гордо поставил добычу на стол: – За выслугу, прикинь, добавили! Я ведь самый старый там, никто не удерживался долго. Мол, заморочная работа... Они, кстати, потому меня и взяли, что никто у них работать не хотел, а другие все отказывали!

– Отлично! – кивнула я. Пусть лучше о работе говорит, чем о глюке каком-то. – Наливай, герой-работник! – подняла я грязный стакан – ничё, и такой сойдёт. Пить так пить!

Но знала бы я, что скоро придётся пожалеть об этом...

Через пару стаканов и всего лишь одну сигарету, Ветер встал, и со словами:

– Я сейчас! – улыбнулся ободряюще, и исчез... Я думала, в туалет, прождала наверное, все полчаса, прежде чем позволила беспокойству поднять себя с места, проведать, что так долго. Дверь на балкон была открыта, и я сразу выглянула. Он был там. Весь в крови, отрешенный взгляд в никуда, и пар уже почти не идёт от посиневших губ...

– ЧЧЁЁЁРРТ!!! – заорала я, хватая эту сволочь под руки, и пытаюсь поднять: – Сссука!! Ну как так можно, стоило только одного отпустить поссать!

Он был слишком тяжелым для меня, поднять его казалось невозможным. Однако я не паникёрша, и трезвым взглядом оценила, что он хоть и порезался довольно глубоко и грамотно, но холод зимней ночи быстро сузил сосуды, и крови пролито относительно немного.

– Блядь, пиздюк ёбаный! – заорала я со злости: – Режешься, так хоть по уму надо было! Гандон! – и въехала ему, засыпающему, такую отличную звонкую оплеуху, которой можно гордиться и профессиональной стерве. Первый страх отпустил, я поняла, что надо лишь затащить его в дом, чтобы не простыл, и забинтовать. И стало неожиданно весело. Да, чертовски весело! Ветер ведь развлекается, так чего бы и мне не поразвлечься!

Какими-то нечеловеческими моральными пинками самой себе, матом и уговорами, надрываясь мне удалось затащить его, напрочь теряющего сознание, в квартиру, грохнуть на кровать, основательно отколотить пока ничего не чувствует, выплескивая долго собираемую

злость, и срочно перевязать обрывками простыни оттаявшие и закровившие раны. Видимо, с тепла на холод, моему безмозглому самоубийце стало больно, и он очнулся с криком:

– Черт, сука грёбаная!

– Кто, я? – со злой веселостью спросила я.

– Да не ты... – проворчал Ветер, пытаясь сесть, но его потянуло назад, и он лег обратно.

– А кто? Ты? – может, и стоило промолчать пока, но уже не до железного самоконтроля.

– Чего? – он сверкнул глазами, и закашлялся.

– Ничего! – почти уже орала я. – Ты вот так в туалет каждый раз ходишь?

– Как? – он начинал злиться. А и хоть бы!

– Ты сказал, что сейчас придёшь, и что? Исчез, а потом я тебя таким нашла! Для этого позвал?

– Я не говорил... Или сказал.

– Сказал! – я схватила стакан с тумбочки и швырнула об стену. – Пиздюк, если ты хотел с собой покончить, так не надо было меня звать! Эффекта сраного захотел?

– Имущество зачем портить, не твоё! – тихо и зло бросил он. – Я не думал ничё такого.

– Не-е-ет, ты просто издеваешься надо мной! – глотая болезненный жгучий ком в горле, я старалась изо всех сил говорить тише, чтобы не дать течь слезам. Плакать сейчас казалось постыдным.

Не хочу комментировать следующие полчаса... просто не хочу. Это больно и банально. Он не хотел, я не ожидала... Короче, подуспокоившись, он попросил транков из холодильника, и если проснется, дать ещё. Я принесла, он уткнулся носом в стену, и вскоре тихо засопел. А я пошла в ванную горько рыдать, давясь болью, и вопить беззвучно в сырую и тёмную Вселенную об одиночестве своём и жажде...

Так и выла тихо-тихо, пока не выдохлась и не забылась. Очнулась с зудом в скрюченном позвоночнике и ногах, прошла на кухню, допила остатки виски не разбавляя, конечно. От нервов стало дурно, и после недолгих раздумий и борьбы с ленью, намеренно проблевалась. Захотелось есть, но я так устала... Прошла в комнату, и примостилась на кресле, рядом с Ветром. Он так и спал, не меняя позы. Любимый мой... Несчастный мой. Дурак...

Вдруг будто ударило – а какой сегодня день? Сколько я уже здесь, как долго длится рецидив Ветра? И всё это время я с ним, размышляя – бросить или остаться? Шаталась в этих тяжких мыслях по квартире, и остановилась у окна – а там фейерверк, люди празднуют. И замысловатый какой! Штучки такие необычные, огоньки эти... в виде черепов! Глаза на самый лоб полезли – разве такое бывает? Присмотрелась – ещё и разные, бараньи, и кошачьи, и человеческие, конечно. Летают, порхают, перемешиваются между собой, и в снег падают, остывая...

ДРРРРРРР!!!!!! – звонок в дверь. Я чуть не подпрыгнула до потолка! Глюки у самой пошли от тоски... А вы там не звоните! Не открою. Слава богу, лекарство подействовало, пусть спит наконец! Я отвернулась к окну, и закурила. Звонок не утихал – суки, и кому приспичило припереться именно сейчас! Если Ветер проснется – что тогда делать? Молотком по башке его обратно укладывать? Боже, как же я устала!

– Да иду, блядь, иду, на хуй!!! – злобно проворчала я, швыряя сигарету в раковину.

– Кто там, в конце концов? – спросила я, заглядывая в глазок.

– Это я... – пропищала жалко Гдетыгдеты, показывая свою пристукнутую рожу.

– Вот ещё! – рука сама потянулась к замку, но... я её остановила.

– Чего тебе надо? – спросила грубо.

– Я к Ветру пришла, вообще-то, открой! – приосанилась эта кобыла.

– Да ты чё? – неучастливо переспросила я. – А он, знаешь ли, транками удолбавшись, наконец спит, и слава богу, встать не может!

– Что значит наконец спит? – взъерепенилась она. – Вы чё там??

– Ничё мы там, – криво усмехнулась я. – Это вы там, а мы здесь!

– Слышь, дорогая! – противница уставилась прямо в глазок, отчего её рожка смешно расплылась, заставляя меня прыснуть со смеху!

– Вообще-то это я его девушка, а не ты! – с такой рожей, и ещё бычить пытается! Я уже откровенно ржала!

– Давай, открой уже! – заорала она.

– Знаешь что, Лена! – я подняла с полу сигарету, закурила и успокоилась. – Иди давай пока, он правда спит, и делать тебе здесь нечего! Трахать он точно сегодня тебя не будет, но и меня тоже, так что пойди пока, девочка, погуляй!

– Эй, Дика, ну ты чё! – принялась она уже умолять. – Ну скажи хоть, что с ним? Ему плохо, да? Дика, я знаю что делать, ну открой! – вопила она, уже мне вдогонку, а я возвращалась курить на кухню – ни к чему светлые обои в коридоре портить!

Вот так, вообще не открыла, злорадно и больно. Знает она... Ишь ты, всё о нём знает, владелица херова! А может теперь и я хочу знать Ветра немного ближе! Пережить с ним его боль, а то почему же всегда вся боль – мне?? Узнать, что такое Ветру больно наконец!!

Но больше не было ничего. Я сторожила его сон, теряя счёт времени, и контроль над собой. Спать не могла, но от усталости впадала в некий транс, из которого меня пару раз выводили болезненные вскрики Ветра во сне. Тогда я подползала к нему со своего убежища-кресла. Клала руку на лоб, брала за ладонь, тихонько встряхивала, и шептала:

– Малыш, малыш, зайчик, всё хорошо, ну, успокойся!

Он затихал, и я возвращалась под плед... Иногда затекали ноги, и я просыпалась от боли. Разминала конечности прогулкой до кухни, курила и жевала пустой хлеб, запивая вчерашним или позавчерашним чаем, разбавляя мутную заварку водой из-под крана, и возвращалась в полутрансе к Ветру.

Не знаю, когда и как, но он наконец очнулся. Я почти не отреагировала, хотя так ждала... Приготовила ему горячего чаю с виски, и как зомби набрала номер в коридоре:

– Аллю, Гдеты? – холодный, усталый голос. – Приходи, ему лучше! Всё.

Я долго отдыхала после этого, жутко выжатая. Крутое пике, да? Нет, не хотела бы я быть ни женой Ветра, ни даже девушкой! Пусть Ленка так мучается, если больше себя некуда деть, а у меня и своих заморочек хватает! Даже на то, чтобы просто побыть с собой наедине, перемолоть все возникающие мысли на мельнице души сколько сил надо! Вот и сейчас сижу и думаю – насколько же верно выражение «всё познаётся в сравнении». Так мечтала, чтоб Гдетыгдеты исчезла, а я бы заняла её место рядом с Ветром! Однако на него смотреть, мечтаючи, хорошо только со стороны, да сталкиваться периодически в психо-секс-битвах, а жить... всерьёз встречаться?.. нет, пожалуй, это место и правда Ленкино, и пусть всё остаётся как есть – она его обслуживает как жена, я навещаюсь как любовница. И всем хорошо!

Или нет?..

Аккурат под Новый год, к вечеру тридцатого числа, Ветер неожиданно притащился ко мне домой и оторвал от оч-чень важного дела – перебирания вещей купленных в течении года, дабы выявить ни разу не надёванные, а стало быть нафиг ненужные, и подлежащие раздари-ванию и разбазариванию. Вот. И прямо с порога, весь такой заснеженный потребовал тоном, не терпящим возражений:

– Дика, есть предложение... Ну, вернее пожелание! Короче, я хочу чтобы ты пошла со мной в одно местечко!

– Куда, если не секрет? – я изобразила «удивлённое личико хорошей девочки», должно быть как раз в тему сейчас.

– В лавочку ювелирную, там мать при жизни работала... мама моя.

Я совершенно наивно обрадовалась, подумав, дура, что он решил мне что-то подарить.

А он смотрит, гладит витрину:

– Это сердолик, камень цвета крови, цвета жизни... древние народы Востока приписы-вали ему свойство оберегать живых от смертей и болезней, нести любовь и счастье. Знаешь, Дика – считалось, что он дарует богатство, укрепляет здоровье, поднимает настроение, успо-каивает гнев, но, прежде всего, это камень счастливой любви... Боже, как слеза богини, хорош!

Его лицо светилось, как у ребёнка в церкви!

– Это сапфир – смотри, какой чистый...

– Ага... – только кивала я, рот приоткрыв – а мне-то что из этого подаришь?

Продавщица странно смотрела, что-то собираясь сказать, но он так посмотрел на неё, что та не решилась.

– Аметист... «Остерегайтесь его, женщины, обрученные или замужние», сказано о нём жрецами тридцать столетий назад, – шептал мой ненаглядный, наклоня голову, будто лучи самоцвета ловил: – Считалось, что этот камень открывает сердце для новой любви.

Он тщательно всё пересмотрел, я уж устала слушать шаманские бормотания. Когда каза-лось – вот-вот свалюсь на пол, не в силах больше топтаться на одном месте, он попросил пока-зать поближе бриллиант – самый крупный на витрине, в тонкой стильненькой оправе-кулоне. Я чуть не подпрыгнула и замерла – мне, да? Но красавец мой в руках сокровище повертел, посмотрел с прищуром на свет, и явно разочаровавшись в подлинности вещицы, резко развер-нулся и пошёл на выход, не забыв меня прихватить за запястье. Чёрт, больно же! И внутри тоже...

...и ничего не подарил, конечно.

Потом повёл меня домой – к себе, разумеется, этот разве соизволит проводить? Да ему и в голову не придёт, что в поздний зимний вечер девушке может быть страшно одной... Ну и ладно, таксичку поймаю. Может, он потому и не провожает, что с этим у меня проблем никаких нет? Главное – подарил-таки топаз, огранённый, без оправы. Достал из кучи хлама в столе, и сунул в руки:

– На! Это мамин.

Я прям расцвела, и только собралась повиснуть на любимом в сладкой благодарности, как он вдруг замахал руками, перекосившись! Ого, да он гонит меня вон, буквально выпихивая:

– Убирайся!!

Глаза горят злобой, болью – точь-в-точь собака, получившая хорошего пинка в бок, а уку-сить не может, потому что своих не кусают.

Я торопливо ухожу, конечно, но камень уношу с собой. Растерянная, но не обижен-ная – он же дурак, как на него реагировать? И ведь получается, что та собака, получившая

пинка – вовсе не он, а я! Только я очень преданная и всепонимающая собака, даже и огрызаться на стала! И вообще не поняла, что произошло... Да ладно, не впервой.

Новый год справляла дома. А меня как-то особо никуда и не звали... и Ветер молчал, и я не звонила. Мама с папой тоже никуда не пошли, внезапно вспомнили, что Новый год – семейный праздник. Но при этом так посматривали на меня осторожно, что я поняла – это всё мой убитый вид. Решили, наверное, поддержать. Им надо отдать должное, стараются не оставлять ребёнка наедине с траблами, помогать по мере сил, хоть и работают напряженно, управляющим много не доверишь, многое висит на них в этой их фирме.

Вообще-то предки хотели махнуть в свою обожаемую Варшаву, а я и не знала! Вот куда бы я с удовольствием сгоняла вместе с ними! Эта особая атмосфера, очарование старого города! Но родные до последнего вкалывали, стремясь ухватить удачный момент, выжать из предпраздничной гонки максимум. Роботы корпоративные, блин! Нет бы себя пожалеть! Папа утешился тем, что съездим, мол, вместе на Рождество туда. Да только на православное, а мы же считаемся католиками... Потом всё мечтал под салат с шампанским и Верку Сердючку, как вот-вот они с мамой состарятся, как раз наберут совсем уж огромную кучу денег, и можно будет успокоиться. Купить каменный особнячок на окраине милой Варшавы, и коротать дни в тишине и покое, ходить по гостям, говорить исключительно по-польски. А я буду наезжать временами к ним, с семьёй, и тогда они будут гордо показывать родне упитанных внучков. Это детей, стало быть моих! Да если бы... не знаю, не знаю. Стоит ли вообще их заводить, и могу ли я себе это позволить – с такой наследственностью депрессивно-извращённой, куда уж!

Выдумывать ничего не хотелось, я просто и безыскусно подарила родителям два билета в Оперный на излюбленную «Аиду». Ну и они тоже не мудрствуя лукаво в моих вкусах и интересах, вручили подарочный сертификат на восемьсот тысяч рублей в магазин стильной одежды «Сезон». Зашибись! Снова куча ненужных тряпок, прости господи! Я между прочим, о них действительно позаботилась! Неужели нельзя было... а, да ладно. Леню и докука обижаться.

Сама себе на праздник я подарила только плакат с моей Стеклоанной богиней Жанной Моуле. Делала на заказ – сняла с сайта красивую фотку – Жанна в узком чёрно-красном платье, задумчивая и эротичная. Обкатала в «Фотошопе», добавила цвета. Повесила готовый плакат у компа, и смотрю без конца, впитывая этот образ. Безумно желая быть такой стройной, уверенной, сексуально-вкусной, переменчивой, но неизменно восхитительной! Быть не внешности похожей, а чем-то тем, что делает Жанну Жанной, стержень этот, что-то уметь в себе так же обозначить и преподать неуловимое то, что делает Дикую Дикой. Что же это, и как его выразить в полной мере? Каков вкус образа Дики?..

Мама уговорила сходить на Новогодний фуршет, типа закрытой вечеринки в Оперном театре. Всё верит, что можно меня убедить вступить в ИХ мир.

Сказать про поход нечего. Всё как всегда. Последствия – ноет спина, натёрла непривычно тоненькими ляжками платья те места, где плечи переходят в грудь... ну, как это место называется? Ещё объелась устриц от скуки, хоть они и были невкусные какие-то, дешёвые, чтоль? Всё думала, что мои, неферё, сейчас бухают где-нибудь на прокуренной хате, и ржач стоит как на конюшне, и музлю орёт, и мат, и пиво рекой... А я здесь, как цыган из песни, «пью шампанское, за любовь свою, за цыганскую».

Болят ноги, потому что было лень сопротивляться настойчивому желанию мамы, чтоб я обула туфли на шпильке. Вследствие чего, мне даже напиться не удалось, ведь осуши я хоть половину из желаемого, свалилась бы с пятнадцатисантиметровой шаткой высоты непременно!

Потому и сижу теперь, болезненные конечности вытянув на боковинку дивана, и пишу в дневник:

«Мечтаю в кружевном черном платье, в красных трусиках с орхидеями и без лифчика забуриться в „приличное общество“, типа мамы-папиной презентации, и ходить там, с умной рожей, изображая, что это и есть самое что ни на есть комильфо, с бокалом шампусика, и типа так и надо, заговаривать с похотливо оторопевшими стариками, и прочее в этом роде...»

По-моему, красивый мог бы клип получиться, психоделический даже! Дьявол бы гордился мной.

«Пусть сегодня я мёртв безмерно,

Пусть мой разум исковеркан...»⁷

Здравствуй, эссхоул Хэппи Нью Йеар...

Чёрная депрессия моя. До зуда в суставах, головной боли и ломоты печени. Другие в депре валяются зубами к стенке, а я не могу и этого... настолько херово, что нет сил даже лежать. Угнетает собственная пустая квартира, и присутствие родителей тоже не облегчает страданий. Дома у предков всегда кто-то толчётся – то папа работает на дому, притащив своего сопляка-программиста; то мама стругает отчёт для налоговой с сексапильной бухгалтершей Ниночкой; а когда этих никого, Петровна шарается по кухне, потом лезет пылесосить, и как раз под тот диван, на котором я сижу завернувшись жалко в плед, испытывая попеременно то тремор то чёртов долбанный жар. А у себя я жить не могу в таком состоянии, кто же будет варить мне суп, ставить чай, да и просто, не айс ночевать в пустой квартире... а больше у меня нет никого, присмотреть за мной – кому ж я нужна? Это и справедливо – мне ведь тоже никто не нужен больной и обиженный, даже Ветер в состоянии рецидива достаётся обычно Ленке, а я являюсь на готовенькое, когда он снова в себе. Обычно если он молчит – значит, его нет с нами, он в параллельных мирах депрессивного психоза, чёрт бы его побрал. И сейчас не звонит – может, поступает как и я, дожидаясь моего возвращения из чёрной полосы, а может и сам в той же жопе. Если так – то Ленка сейчас с ним, верная жена, которой достаются все кренделя и фортеля больной психики Ветра. А он и видеть её не в силах, и без неё тоже пропадёт... впервые я захотела замуж.

⁷ Текст группы «Шмели»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.